Дата поступления рукописи в редакцию: 04.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 08.11.2025 г.

ГОНЧАРОВ Игорь Александрович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия,
г. Краснодар
e-mail: goncharov.1476@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ: ОТ ИСТОКОВ РИМСКОГО ПРАВА К СОВРЕМЕННОМУ ПОНИМАНИЮ

Аннотация. Вопрос о праве собственности решался классическими юристами по-разному. Истец должен был доказать свое право собственности и его нарушение ответчиком. Ответчик должен был доказывать существование основания, дающего ему право пользоваться вещью истца, что было достаточно сложно, поскольку реально вещь находилась в обладании истца. Если доводы ответчика оказывались бездоказательными, он должен был возместить ущерб, причиненный собственнику. Истец вправе был требовать от ответчика гарантии от нарушения своего пра¬ва в будущем.

Ключевые слова: римское право, институт собственности, Юстиниан, собственность, владение, пользование, распоряжение, закон.

GONCHAROV Igor Alexandrovich,
Candidate of Law, Senior Lecturer,
Department of State Law Disciplines,
North Caucasus Branch of the
Russian State University of Justice,
Krasnodar

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF PROPERTY LAW: FROM THE ORIGINS OF ROMAN LAW TO MODERN UNDERSTANDING

Annotation. The question of property rights was resolved in various ways by classical jurists. The plaintiff had to prove their ownership and the defendant's violation of it. The defendant had to prove the existence of a basis for using the plaintiff's property, which was quite difficult since the property was actually in the plaintiff's possession. If the defendant's arguments proved unsubstantiated, they were obliged to compensate the owner for the damages caused. The plaintiff had the right to demand from the defendant a guarantee against future violation of their right.

Key words: Roman law, institution of property, Justinian, property, possession, use, disposal, law.

Согласно законодательству Юстиниана, если несмотря на переработку, вещь можно возвратить в первоначальный вид (например, вазу из металла переплавить в слиток металла), вещь принадлежит собственнику материала. Если же это невозможно, вещь становится собственностью того, кто произвел переработку (спецификанта). Но он обязан был возместить собственнику материала его стоимость. По праву Юстиниана спецификант становился собственником и в том случае, если к чужому материалу прибавил свой собственный [8].

В России сам термин «собственность» не употреблялся до конца XVIII в. Данное понятие заменялось определениями «купля», «отчина», «примысел», «приданое» и т. п. Законодатель в древнерусском праве стремился отразить не юридическое содержание права собственности, а его продолжительность и возможность передачи по наследству, так как существовали термины «впрок», «на веки» «вечное потомственное владение» и т. д. Судебники, как и изданное позднее в 1649 г. Соборное уложение, имели в качестве главной цели консолидацию действовавших норм. Но, кроме того, их изданием стремились обеспечивать последующую логику развития всего законодательства: они наделялись свойством акта-основы, вокруг которого предполагалось группировать издаваемые в последующем правила [4, 5]. Эти два юридических качества первых судебников позволяют говорить о зарождении элементов системности в законодательном твор-

честве государства.

Соединение (accessio) и смешение вещей (commixtio). Имеются в виду различные случаи соединения вещей, принадлежащих разным собственникам. Римские источники имеют богатую казуистику по этому вопросу, т. е. приводят различные варианты соединения и смешения вещей. Так, движимые вещи могут соединяться посредством смешения сыпучих предметов (например, зерна) и несыпучих предметов (драгоценный камень в чужом кольце, вышивка на чужом платье). Возможно соединение движимой вещи и недвижимой (засевание зерна на чужом участке). В римских источниках имеются примеры соединения и недвижимых вещей: наслоение, увеличившее берег; образовавшийся в реке остров.

Соединение вещей имело место в случаях, когда одна вещь поглощалась другой так, что превращалась в ее составную часть и тем самым утрачивала свое самостоятельное существование, а значит, поступала в собственность того, кому принадлежала основная вещь. Например, при строительстве дома использовано бревно другого собственника. Бревно, вложенное в строение, переставало быть предметом самостоятельного права собственности и принадлежало собственнику строения [11].

Собственник бревна не вправе был требовать его обратно, пока оно составляло часть дома. Соединение имело место в случаях посевов, насаждений, возведения строений на чужой земле — все это приращение земли и по римскому праву принадлежит собственнику земли. Сюда же относились намывы земель к речным берегам.

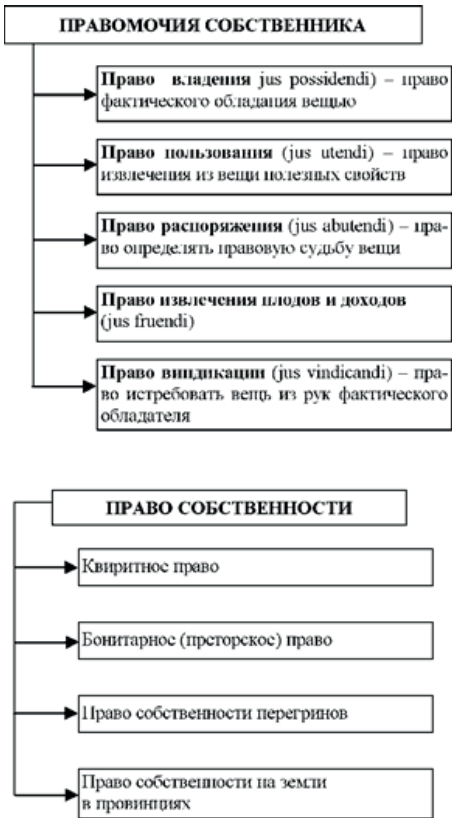
Смешение вещей — это такое их соединение, когда невозможно установить, какая из них поглотила другую. В результате смешения однородных вещей возникало право общей собственности двух или нескольких лиц.

Передача вещи (traditio) являлась важнейшим и наиболее распространенным способом приобретения права собственности. Не всякая передача вещи вела к переходу права собственности. Когда собственник отдавал свою вещь на хранение, в пользование, он также совершал передачу, но в этих случаях передача не сопровождалась переходом права собственности [9, 10].

Традиция представляла собой такой способ приобретения права собственности, при котором одно лицо передавало другому фактическое владение вещью с целью передачи права собственности на нее. Следовательно, передача предполагала соединение двух условий. Во- первых, требовалась сама передача вещи - фактическое вручение ее из рук отчуждателя в руки приобретателя или соответствующее символическое действие, свидетельствующее о передаче (вручение ключей от проданного дома). Во-вторых, передача вещи должна быть осуществлена на справедливом основании - при обоюдной воле сторон на отчуждение и приобретение, выраженной в договоре (купли-продажи, дарения, мены).

Поначалу этот способ применялся к неманципируемым вещам или к вещам, которые приобретались не римскими гражданами. В дальнейшем он был распространен на все вещи и на всех граждан. В Уложении Юстиниана традиция в силу ее простоты и доступности признана основным способом приобретения права собственности.

Рисунок 1.

Право собственности утрачивалось (прекращалось):

а) если вещь погибала физически или юридически; если собственник отказывался от своего права на вещь (передал право собственности другому лицу или просто выбросил вещь);

б) если собственник лишался права собственности помимо своей воли (конфискация вещей; приобретение права собственности на вещь другим лицом в силу давности владения) [4, 5].

Право собственности как основное имущественное право римских граждан защищалось при помощи различных правовых средств, имеющих цель предоставить возможность собственнику беспрепятственно пользоваться своей вещью. Способы, методы и формы охраны права собственности достаточно разнообразны. Рассмотрим лишь вещно-правовые средства защиты права собственности, которые римское право разработало весьма основательно [7].

Защита права собственности осуществлялась вещными исками, действующими против любого нарушителя. К ним относили: виндикационный иск (actio rei vindicatio); негаторный иск (actio negatoria); прогибиторный иск (actio prohibitoria); публицианский иск (action publiciana).

Виндикационный иск предъявлялся в случаях, когда одно лицо утверждало, что является собственником вещи, которая находится во владении другого лица, и по этому основанию требовало возврата вещи [13, 14].

Истцом выступал собственник вещи, не имеющий фактического владения. Ответчиком - фактический обладатель вещи. Предметом иска являлась вещь со всеми плодами и приращениями.

В Риме применялась неограниченная виндикация, по которой вещь истребовалась от любого фактического владельца независимо от правого основания обладателя на владение вещью. Иск предъявляли по месту обнаружения вещи - по принципу «где нахожу свою вещь, там ее и виндицирую».

Бремя доказывания своего права лежало на истце. Ответчик освобождался от доказывания, так как в его пользу говорил сам факт владения вещью. Если истцу не удавалось доказать свое право на вещь, иск отклонялся, ответчик мог обвинить истца в бесчестии. Если же истец доказывал свое право собственности на вещь, то восстанавливалось его владение вещью. Собственнику возвращалась именно искомая вещь, а не ее эквивалент. Вещь возвращалась в любом случае независимо от того, был ли ответчик добросовестным владельцем или недобросовестным.

Вопросы об ответственности за состояние вещи, о возврате плодов и о возмещении расходов на вещь решались в зависимости от добросовестности владельца [11, 12].

Добросовестный владелец отвечал за состояние вещи со времени предъявления иска. Он возвращал собственнику только наличные плоды и не возмещал стоимость потребленных или отчужденных плодов, полученных до предъявления иска. Добросовестному владельцу возмещались расходы, связанные с сохранением вещи и увеличением ее хозяйственной годности. Р а с х о д ы «на роскошь» он мог забрать себе, если их можно было отделить от вещи, не причинив ей вреда [6].

Недобросовестный владелец отвечал за состояние вещи за весь период владения. Обязан был возместить стоимость плодов, полученных за весь период владения вещью, но не только фактически полученных, но и тех, которые он мог получить при надлежащей заботливости. Недобросовестному владельцу возмещались только расходы, связанные с сохранением вещи. Вору никакие расходы на вещь не возмещались [13].

Негаторный иск. Собственник вещи нуждался в защите и тогда, когда вещь оставалась в его владении, а кто-либо пользовался его вещью так, как будто имел право на вещь (например, прогонял скот через участок, ссылаясь на якобы право прогона). Тогда возникает основание на предъявление негаторного иска. Негаторный иск - иск об устранении нарушений, не связанных с лишением владения вещью [7].

Этот иск предусматривал защиту полноты права собственности от любых незаконных ограничений и требований. В отличие от виндикационного иска негаторный иск давался владеющему собственнику и выдвигался против необладающего вещью лица.

Истец должен был доказать свое право собственности и его нарушение ответчиком. Ответчик должен был доказывать существование основания, дающего ему право пользоваться вещью истца, что было достаточно сложно, поскольку реально вещь находилась в обладании истца. Если доводы ответчика оказывались бездоказательными, он должен был возместить ущерб, причиненный собственнику. Истец вправе был требовать от ответчика гарантии от нарушения своего права в будущем [1, 2, 3].

Прогибиторный иск предъявлялся тогда, когда третьи лица своим поведением мешали собственнику нормально осуществлять свое право собственности. Например, возведение стены, отгораживающей дом, препятствовало доступу света в окна соседского дома. Признав этот иск обоснованным, суд обязывал ответчика устранить помеху и последствия совершенных действий и не совершать такие действия в будущем.

Публицианский иск был введен претором для защиты преторского (бонитарного) права собственности. По своей конструкции он был таким, как и виндикадионный иск, который не мог применяться для защиты бонитарной собственности [14, 15].

Список литературы:

[1] Елин В.М., Жарова А.К. К вопросу о мето-

дологии информационного права // Право и государство: теория и практика. 2013. № 4 (100). С. 133-143.

[2] Матвеева М.А. К вопросу о концептуально-методологических основах теории правотворчества // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 4 (47). С. 134-137.

[3] Матвеева М.А. Конституционный запрет монополизации экономической деятельности и недобросовестной конкуренции (на примере правового регулирования в сфере гражданской авиации) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 3. С. 135-145.

[4] Матвеева М.А. Концепция правотворческой политики: проблема теоретического обоснования // Образование и право. 2017. № 3. С. 24-32.

[5] Матвеева М.А. Мониторинг правотворчества: проблема теоретического обоснования // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 2 (33). С. 44-47.

[6] Матвеева М.А. Правотворчество как юридическая деятельность: проблемы теоретического осмысления // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 5. С. 191-201.

[7] Матвеева М.А. Теоретические и методологические проблемы юридической процессуальной формы правотворчества // Право и государство: теория и практика. 2015. № 3 (123). С. 30-34.

[8] Мельников В.С. Понятие злоупотребления правом в гражданском праве // Международный академический вестник. 2018. № 1-1 (21). С. 76-79.

[9] Мельников В.С. Прогностическое моделирование онтологий искусственного интеллекта как основа для проектирования необходимых референтных изменений законодательства // Право и государство: теория и практика. 2018. № 8 (164). С. 92-95.

[10] Мецгер А.А. Содержание отдельных личных прав и свобод человека и гражданина (на примере политических прав) // Международный журнал конституционного и государственного права. 2019. № 4. С. 49-51.

[11] Печников А.П., Печникова А.П. Теория государства и права. Учебно-методическое пособие. М.: МГУУ Правительства Москвы, 2009.

[12] Чернявский А.Г. Правовое значение идеи суверенитета для государства и права. Москва, 2020.

[13] Чернявский А.Г., Синяева Н.А., Самодуров Д.И. Международное гуманитарное право. Учебник / Москва, 2020.

[14] Шестак В.А. О современной практике применения судами законодательства, регулирующего использование электронных документов в ходе уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 3 (38). С. 213-217.

[15] Шестак В.А. ОБ отдельных проблемных вопросах квалификации специальных видов мошенничества // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 2 (37). С. 372-377.

References:

[1] Elin V.M., Zharova A.K. K voprosu o metodologii informacionnogo prava // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2013. № 4 (100). S. 133-143.

[2] Matveeva M.A. K voprosu o konceptual'no-metodologicheskih osnovah teorii pravotvorchestva // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2017. № 4 (47). S. 134-137.

[3] Matveeva M.A. Konstitucionnyj zapret monopolizacii ekonomicheskoj deyatel'nosti i nedobrosovestnoj konkurencii (na primere pravovogo regulirovaniya v sfere grazhdanskoj aviacii) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya. 2018. № 3. S. 135-145.

[4] Matveeva M.A. Koncepciya pravotvorcheskoj politiki: problema teoreticheskogo obosnovaniya // Obrazovanie i pravo. 2017. № 3. S. 24-32.

[5] Matveeva M.A. Monitoring pravotvorchestva: problema teoreticheskogo obosnovaniya // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2014. № 2 (33). S. 44-47.

[6] Matveeva M.A. Pravotvorchestvo kak yuridicheskaya deyatel'nost': problemy teoreticheskogo osmysleniya // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2016. № 5. S. 191-201.

[7] Matveeva M.A. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy yuridicheskoj processual'noj formy pravotvorchestva // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2015. № 3 (123). S. 30-34.

[8] Mel'nikov V.S. Ponyatie zloupotrebleniya pravom v grazhdanskom prave // Mezhdunarodnyj akademicheskij vestnik. 2018. № 1-1 (21). S. 76-79.

[9] Mel'nikov V.S. Prognosticheskoe modelirovanie ontologij iskusstvennogo intellekta kak osnova dlya proektirovaniya neobhodimyh referentnyh izmenenij zakonodatel'stva // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2018. № 8 (164). S. 92-95.

[10] Mecger A.A. Soderzhanie otdel'nyh lichnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina (na primere politicheskih prav) // Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava. 2019. № 4. S. 49-51.

[11] Pechnikov A.P., Pechnikova A.P. Teoriya gosudarstva i prava. Uchebno-metodicheskoe posobie. M.: MGUU Pravitel'stva Moskvy, 2009.

[12] Chernyavskij A.G. Pravovoe znachenie idei suvereniteta dlya gosudarstva i prava. Moskva, 2020.

[13] Chernyavskij A.G., Sinyaeva N.A., Samodurov D.I. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo. Uchebnik / Moskva, 2020.

[14] Shestak V.A. O sovremennoj praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva, reguliruyushchego ispol'zovanie elektronnyh dokumentov v hode ugolovnogo sudoproizvodstva // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. 2018. № 3

(38). S. 213-217.

[15] Shestak V.A. OB otdel'nyh problemnyh voprosah kvalifikacii special'nyh vidov moshennichestva // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. 2018. № 2 (37). S. 372-377.

